

Сегодня — 175 лет
со дня рождения Н. В. Гоголя

ВЕЧНО ЖИВОЕ СЛОВО

Что нового можно сказать о Гоголе? Вроде бы все сказано. С детства мы учили, иногда досадуя на школьные схемы, строки из учебников насчет образов Чичикова и Коробочки, насчет разоблачения царского самодержавия в комедии «Ревизор»... Гоголем восхищались еще гиганты русской критики XIX века и нередко ставили его выше Пушкина. В последние десятилетия творчество Гоголя особо пристально исследуется во всем мире. Традиционно называемые за границей великие русские — это до недавних пор Толстой, Достоевский, Чехов. Ныне иногда Гоголя называют чуть ли не первым.

Есть в этом имени ныне новая острота и свежесть.

Главное, что потрясает в творчестве Гоголя, что осталось навечно в нашей литературе, — это бесстрашие человека перед черными безднами бытия и стремление найти высокую духовную основу жизни (коллизия, которую XX век обострил). Гоголь в этом крайне последователен, и, собственно, тут причина главной трагедии его жизни. Гоголь был одним из родоначальников того направления в нашей классике, в котором могучий художественный талант сам по себе еще ничего не значит. Это не цель, а средство. Опираясь на свой талант, Гоголь стремился нравственно преобразовать мир. Что из этого получилось, мы знаем. Гоголь не изменил мира и погиб в борьбе с тем, что оказалось ему не под силу. Но «по дороге» он создал художественные шедевры, равных которым мало. Так же было потом с Толстым, Достоевским и другими. Перечитайте «Ревизора» и иное из Гоголя. Не поленились, перечитайте. Не для школьных штудий сына или дочери, а для себя. Это в высшей степени художественно. Ажурная композиция, колоссальной силы характеры, благородный лаконизм. А какая грандиозная мечта об идеале! Какое духовное напряжение! Какое высокое мучение о человеке!

Второй завет Гоголя — высокий романтизм в литературе. Собственно, это связано с первым его заветом. Связано и с сатирой Гоголя, о которой говорилось много. Но ведь сатира его и порождена романтизмом, гоголевской романтической иронией. Но о романтизме Гоголя у нас говорят как-то меньше, чем хотелось бы. А ведь именно Гоголь силою «Страшной мести», «Вия», «Майской ночи», «Тараса Бульбы» наглядно показал, что романтизм в русской литературе — явление крупное и законное. Эту мысль почему-то не любят некоторые критики и прозаики. Но не мог Гоголь быть иным писателем, располагая таким фольклором — русским и украинским! Думаю, эта нелюбовь к романтизму происходит от нелюбви к так назы-

ваемой «романтике», надоевшей и дискредитированной во многих литературных поделках недавних лет, но их и литературой назвать нельзя. Романтизм ведь бывает истинный, а бывает ложный, что знал Пушкин, который создавал в высоком смысле романтические произведения, но посмеивался над Ленским. Так зачем же, ругая ложное, отрицать истинное? «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить...» Был романтизм и у Гоголя, и у Тютчева, и у Блока (кстати, автора блестящей статьи о Гоголе). У раннего Горького! Пристальней приглядимся и к Достоевскому...

Современные наши читатели и критики порой испытывают растерянность перед всем, что не укладывается в прокрустово ложе очевидности. К роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» подходят с каких угодно сторон, но не замечают того, что он продолжает традиции Гоголя. Я не говорю, что это идеальный роман, у меня есть к нему претензии, так же как и к книге «Алтист Данилов» В. Орлова. Но бесспорно, эта книга — еще одно доказательство современности гоголевского взгляда на жизнь.

Правде литературы надо смотреть в глаза. В нашей литературе существует мощная традиция романтизма, и никуда от нее не деться, не отделишь никакими призывами к степенности. Она чрезвычайно остра и актуальна ныне. И Гоголь вновь и вновь помогает нам в осмыслении современного литературного процесса.

Разумеется, Гоголь — это и могучие, грандиозные реалистические типы. Но это его качество хорошо известно.

О Гоголе иногда говорили, что писатель он в чем-то холодноватый. Не пожалеем, мол, ни мать, ни отца. Сам Гоголь ответил на это своими знаменитыми суждениями о видимом миру смехе и невидимых миру слезах. Но мы эти слезы наблюдаем и в самих художественных произведениях Гоголя. Именно говоря

человеку последнюю и бесстрашнейшую правду о нем, Гоголь выступает как гуманист. Иногда он проговаривается в открытую: «Дом ли то мой си- неет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его... ему нет места на свете! его гонят...» «А знаете ли, что у алжирского деля под самым носом шишка?» — совершенно неожиданно добавляет Гоголь — «неисправимый» мастер формы и враг неуспокоенной сентиментальности. Но мы понимаем его.

В связи с Гоголем любят толковать о «сказовости», манерности, хитроватости, об изломанной речи, о «низовом герое» и вообще о «ниже» жизни. Андрей Белый, пристально изучая Гоголя и обобщая его опыт теоретически («Мастерство Гоголя») и практически («Петербург»), на мой взгляд, интерпретирует его все же крайне одномерно: «сказовость», интеллект, изломанность...

Откроем-ка мы самого Гоголя. «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге...»

Вот эта интонация бодрости, свежести, романтизма, поэзии мира — то, о чем мы давно не говорили в связи с творчеством Гоголя. А ведь русская и советская проза не была бы столь живописной, столь поэтической, если б не влияние Гоголя.

Не раз говорилось, что Гоголю не удавался положительный герой. Дело в том, что он не там искал его в современной жизни. Ему нужен был одновременно моралист, хозяйственник, деятель. Нужен был цельный человек. Это не вышло.

Но «попутно» Гоголь написал такого Тараса Бульбу, что нам век его не забыть. И он-то и есть цельный человек: дитя природы и предводитель смелых, умный малый и верный товарищ.

А до чего хорош у Гоголя его простой Левко, с его молодостью, удалью, весельем, умом, юмором и любовью к Ганне. А мы все как-то забываем о таких, как Левко. Но разве в нем нет души самого Гоголя?

Вообще, хватит бы нам говорить о его болезнях, причудах и степенных поучениях, пора бы вспомнить заново, что был он — Гоголь — великий поэт, художник, провозвестник высокого духа и утренней красоты мира, а не только «разоблачитель» и проповедник. Хотя и разоблачать зло он умел — и горько, и действительно. Об этом тоже нам не следует забывать.

Вл. ГУСЕВ,

Гравюра Н. КАЛИТЫ.